

Антиколониальные и постколониальные нарративы в контексте политического мифа в КНДР и Республике Корея

Наталья Николаевна Ким, ИСАА МГУ, Москва, Россия
Александр Валерьевич Соловьев, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Контактный адрес: nkim@iaas.msu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется влияние анти- и постколониальных нарративов на формирование политического мифа в КНДР и Республике Корея. Политический миф понимается как дискурсивная система, описывающая путь становления народа и его предназначение через систему знаков и символов. Установив условия сближения исторического нарратива с политическим мифом (драматизм, запрос на значимость, призыв к политическому действию), авторы выделили три группы исторических нарративов, связанных с тремя историческими травмами – утратой независимости, обретением независимости «из чужих рук», разделением народа. Их анализ позволил выделить как общность некоторых элементов политических мифов на Юге и на Севере, так и их особенности, а также выявить ключевые историко-политические обстоятельства, определившие эти сходства и различия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

антиколониализм, постколониализм, КНДР, Республика Корея, исторический нарратив, политический миф, травма, историческая политика, политика памяти

Введение

И в КНДР, и в Республике Корея (в особенности в официальной историографии) колониальный период – это прежде всего время жестокой эксплуатации страны и народа японскими колонизаторами, период унижений и оскорбления национального достоинства, один из ключевых факторов формирования национальной и государственной идентичности, «воображающей себя»¹ в новом (и во многом чуждом традиции) мире модерна. По справедливому замечанию А.Н. Ланькова, современные общества обоих государств Корейского полуострова в основе своей – постколониальные, еще не оправившиеся от травмы японского колониального господства². Принимая такую характеристику, мы неизбежно оказываемся в эпистемологическом поле критической теории, элементами которой являются изучение наследия колониализма и само понятие «постколониализм». Такой подход предполагает, что подобные исторические нарративы направлены на социально-политическую эмансипацию их носителей и / или мобилизацию их аудитории. Эти нарративы описывают сопротивление корейцев как народа в целом (и до разделения Кореи на два государства, и после) или отдельных групп корейского общества навязываемым им извне отношениям господства и подчинения.

Основной сюжет корейских анти- и постколониальных нарративов – описание ущерба, нанесенного колониальным господством стране и народу (то есть исторической травмы), и преодоления как самой травмы, так и ее последствий. В нашей статье мы покажем как общие для Севера и Юга, так и специфические подходы к репрезентации памяти о прошлом.

Мы считаем возможным разделить нарративы о колониальной травме на три комплекса: нарратив об утрате независимости вследствие аннексии Кореи Японией (1910 г.)³, нарратив об обретении независимости «из чужих рук» (1945 г.), нарратив о разделении народа вследствие противостояния великих держав и о борьбе за объединение полуострова (период холодной войны – настоящее время). Эти нарративы развиваются вокруг преодоления тягот прошлого (и настоящего) ради будущего. Тяготы прошлого – это преодоление исторических обстоятельств травмы (т.е. борьба за независимость). Тяготы настоящего – это преодоление социально-психологических обстоятельств травмы (т.е. преодоление «колониальной ментальности»). Мотив преодоления формирует драматический контекст, сближающий в нашем случае исторический нарратив с политическим мифом. Под политическим мифом здесь мы подразумеваем «систему знаков, претендующую на перерастание в систему фактов»⁴, то есть дискурсивную систему, описывающую путь становления народа и его предназначение. Иными словами, речь идет не о том, насколько представление о собственной политической истории соотносится с исторической действительностью («миф имеет цен-

1 Anderson 1991.

2 Ланьков 2017, 143.

3 Корея начала терять независимость фактически еще в 1905 г., когда ей был навязан договор о японском протекторате («Договор года ыльса»), однако де-юре колонией Корея стала в 1910 г., после подписания Договора о присоединении Кореи к Японии.

4 Барт 1996, 260.

ностную природу, он не подчиняется критерию истинности»¹), а о том, как оно формируется, отображается и воспринимается народом и к каким политическим действиям стимулирует.

Исторический нарратив и политический миф

Ключевой признак сближения исторического нарратива с политическим мифом – выраженный драматизм, отвечающий на «потребность в значимости (или, по Р. Барту, *знаковости*)»²), представление истории как «*моральной драмы*»³. Нарратив о травме и ее преодолении, о страданиях и борьбе, о жертвах и трудной победе – это, несомненно, один из самых драматичных общественно-политических сюжетов.

Когда историко-мифологический нарратив созвучен чаяниям аудитории, он начинает «давать имена» предметам и явлениям⁴, резонируя, по метафоре немецкого социолога Х. Розы, с обществом. В «общности нарратива о совместно проживаемых историях»⁵ формируется «более или менее сходное отношение членов общности к своему опыту – подлинному или вымышленному, в котором устанавливается и передается дальше, новым поколениям, понятная связь с миром»⁶. На основе отношения к этому опыту выстраивается групповая (включая национальную, политическую и т.д.) идентичность. Политический миф, призывающий к политическому действию (без этого он не будет политическим мифом), отвечает на потребность в значимости⁷ и обеспечивает уверенность в правомочности такого действия⁸.

Еще одна важная особенность политического мифа – его прагматизм. Ничего «не объясняющий, но констатирующий»⁹ политический миф «должен обеспечивать значимость здесь и сейчас»¹⁰. Иными словами, содержание мифа определяется конкретными политическими задачами в отношении времени, места и целевой аудитории. А это, в свою очередь, придает политическому мифу двойственный характер: дискретность партикуляристского нарратива, направленного на решение конкретной политической задачи, сочетается с его претензией на длительность и даже непрерывность, особенно когда речь заходит об истории (такова, например, мифологема о непрерывной истории государства; сходная природа и у попыток «удревнить» историю). В «работе над историческим мифом» (т.е. в политике памяти) это реализуется через практику «припоминания» и «забывания»¹¹ – актуализации и деактуализации исторических эпизодов в политических целях.

Наглядный пример такой дискретности – риторика политических вождей КНДР. Если, допустим, в 1952 г., в разгар Корейской войны, Ким Ир Сену

1 Барт 1996, 248–249. Р. Барт вообще считал, что «предмет, о котором говорится в мифе, лишается всякой Истории» (Ibid., 278).

2 Ibid. 236.

3 White 1987, 22. Цит. по: Bottici 2007, 213; Bottici 2007, 204.

4 Bottici 2007, 116.

5 Rosa 2016, 199. Важность совместного проживания и переживания, разделяемого исторического опыта для формирования «воображаемых сообществ» акцентирует и Б. Андерсон (а вслед за ним и все конструктивисты).

6 Филиппов 2023, 67–68.

7 Bottici 2007, 216.

8 Tudor 1972, 134.

9 Барт 1996, 271.

10 Bottici 2007, 214.

11 Подробнее см., например, Stråth 2000; Малинова 2018.

требовалась поддержка всего соцлагеря в неравном противостоянии, то он считал необходимым подчеркнуть, что «борьба с империалистами в Корее является не только индивидуальным делом корейского народа, но и частью глобального коммунистического проекта». Это превращало его «из простого диктатора страны третьего мира в борца против колониализма и империализма»¹. Однако, обезопасив страну и утвердив свою личную власть, в 1970-х гг. он уже позволял себе подтрунивать над зависимостью европейских соцстран от Кремля и их низкопоклонством². Но если ситуация того требовала, каждый северокорейский лидер подтверждал верность принципам марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма (так, например, VIII съезд Трудовой партии Кореи (ТПК) завершился исполнением «Интернационала»)³.

Травма утраты независимости – борьба за субъектность

Фактически первым полноценным антиколониальным дискурсом в Корее была интеллектуальная борьба за историю нации между колониальными историками и историками-националистами, корни которой уходят в доколониальный период. Этот дискурс формировался из столкновения нарративов, принижавших и возвеличивавших⁴ корейцев как нацию. Для оправдания ассимиляционной политики в Корее японское правительство использовало положения колониального исторического подхода, в частности т.н. теорию единства крови японской и корейской наций (일선동조론, 日鮮同祖論), теорию зависимости от внешних сил (타율성론, 他律性論), теорию застоя в развитии (정체성론, 停滯性論). Поэтому все усилия корейских интеллектуалов-националистов эпохи японского колониализма и после освобождения были направлены на то, чтобы опровергнуть данные теории. Как замечает Син Сынъёп, «и националистическая, и колониальная наука стремились присвоить национальное прошлое Кореи, чтобы опровергнуть противоположные взгляды на корейскую историю в политических целях»⁵.

Главной политической целью корейской нации в колониальный период было самосохранение. Национализм в этом смысле являлся ответной реакцией на колониализм, и националистическая риторика как таковая была глубоко антиколониальной⁶. Национально-освободительное движение, развернувшееся как в Корее, так и за ее пределами в различных формах и на разной идейной основе, обеспечивало как единый лейтмотив, так и разнообразие антиколониальных нарративов.

1 Чудинов, Чеснокова 2020, 62.

2 Асмолов et al. 2022, 124.

3 Ibid., 125.

4 В самом радикальном изводе нарратив превознесения корейской нации разовьется в нарратив о ее исключительности (см., например, Myers 2010; Стенограмма дискуссии в рамках секции «Корейский политический миф: версии Севера и Юга» на XIII Конвенте РАМИ в МГИМО. 14 октября 2021 г. // Россия в глобальной политике. 14 октября 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/wp-content/uploads/2021/12/stenogramma-diskussii-v-ramkah-xiii-konventa-rami-v-mgi-mo.pdf> (дата обращения: 28.06.2023)), в некотором смысле общий как для северокорейского, так и для южнокорейского политических мифов.

5 Shin 2018, 544–545.

6 Нарратив об утрате независимости как таковой на Севере и на Юге различается не сильно – основной акцент делается на хищническом характере японского империализма (к которому на Севере добавляется критическая оценка исторически детерминированной неспособности феодально-буржуазной Кореи конца XIX – начала XX защитить себя).

Корейские националисты правого толка критиковали эксплуататорскую политику Японской Империи, использовавшую Корею как ресурсную базу, дискриминирующую корейский народ, но не рассматривали колониализм как глобальное явление, имевшее некую единую природу. Перед правыми националистами стояла задача освобождения корейской нации, и все их силы были направлены на ее достижение. Они не использовали т.н. классовый подход в толковании развернувшейся антияпонской освободительной борьбы, исходя из собственного представления о корейской нации как о едином историческом субъекте, а ее суверенитет видели наивысшей ценностью. Поэтому в их нарративе ключевыми понятиями были «нация» (*минчжок*), «свобода» (*чаю*), национальный дух (*минчжок син*). В отличие от левых националистов, правые готовы были положить свои жизни за свободу корейской нации, но, конечно же, не за свободу всех поработанных народов или эксплуатируемых классов. Националистическая историография (*минчжокчуй сагван*) толковала историю как развитие нации, представляющей самостоятельный субъект исторического процесса.

Среди ключевых фигур этого направления (Пак Ынсик, Ан Чжэхон, Мун Ильпхён и др.) стоит выделить Син Чхэхо, которому, по всей видимости, принадлежит первенство в формировании концепции единой корейской нации (включающей нарратив о чистоте крови), а также в адаптации к полемическим нуждам идеи чухе (субъектности), заимствованной транзитом через Японию из немецкой философии¹. В работах Син Чхэхо корейской нации («Я», 我) противопоставлены другие народы, а историческое развитие в целом – это борьба «Я» с «не-Я (Другим)» (非我)².

Левые же националисты уже тогда опирались на ленинское учение об империализме³, но и для них было первичным освобождение от японского колониализма. Антияпонские чувства разделяли огромные массы корейского населения, испытывавшие искреннюю радость и восторг, когда 15 августа 1945 г. было объявлено о безоговорочной капитуляции Японии в войне⁴.

Хороший пример националистических дискурсов – декларации независимости Кореи, подготовленные различными политическими группами в марте 1919 г. Декларация корейских правых националистов и религиозных деятелей, зачитанная 1 марта 1919 г. в Сеуле, начиналась со слов: «Корея – это независимое государство», а «корейцы – самостоятельный народ», «мы навееки утверждаем законное право самостоятельного существования нации», «мы провозглашаем это, опираясь на авторитет нашей пятитысячелетней истории», «сегодня наша задача – это только лишь осуществление нашего собственного возрождения»⁵. Япония не называлась врагом и открыто не критиковалась, несмотря на то что именно она лишила корейский народ суверенитета. В декларацию независимости корейских социалистов, подготовленную в Иркутске в мае 1919 г., была заложена иная парадигма: право народов на самоопределение,

1 Подробнее об этом см., например: Robinson 1984, 132–133; Myers 2015, 11–20; Асмолов et al. 2022, 123–124.

2 “민족주의사학 (Nationalist history),” Encyclopedia of Korean Culture, accessed June 25, 2023, <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0020273>.

3 Ленин 1949.

4 Ким 2015, 42–43.

5 Декларация 2009а, 124–125.

критика японского милитаризма и империализма и идея мировой демократии. «Мир должен быть спасен от гибели, в основу переустройства мировой жизни должны быть положены незыблемые принципы свободы, равенства, братства и самоопределения народов»¹. Независимость Кореи важна с точки зрения достижения общего блага народов – во имя свободного культурного развития каждой национальности. «Теперь же Япония для всего мира представляет опасность, которая не будет устранена до тех пор, пока в ее руках будет находиться Корея»².

Северокорейский нарратив антияпонского сопротивления

Ключевая особенность северокорейского нарратива о сопротивлении японским колонизаторам – его постоянное обновление, следующее развитию чучхейской концепции корейской революции с конца 1950-х гг. С течением времени вклад Ким Ир Сена и его ближайших родственников (отца, матери, жены) в дело национально-освободительной борьбы и значение идей чучхе в антиколониальной борьбе и в воссоздании суверенной корейской государственности становился все больше, вытесняя любые иные нарративы³. Неизменным же оставался общий методологический подход к описанию японского режима, который определялся как империалистический, оккупационный, милитаристский и дискриминационный. В основе японского колониализма лежала экономическая эксплуатация корейского народа. «Позитивной стороной» колониальной эксплуатации было зарождение класса промышленных рабочих в ходе индустриализации. Рабочие вели классовую борьбу, противостоя не только японским империалистам, но и «реакционным элементам» внутри Кореи – помещикам и капиталистам⁴. В этом смысле история национально-освободительного движения – это история классового противостояния, первичной задачей которого было сокрушение японского империализма, освобождение Кореи, а потом демократическая революция⁵.

Авторы монографии «Корейская Народно-Демократическая Республика» (1958) отмечают, что Ким Ир Сен в 1920–1930-х гг. «объединил ряды истинных коммунистов и выработал конкретные мероприятия по организации активной региональной вооруженной борьбы в форме партизанского движения»⁶. При этом ничего не сказано про чучхе, о «Союзе свержения империализма» (1926), созданном якобы Ким Ир Сенем, и о роли отца Ким Ир Сена Ким Хён Джика в национально-освободительном движении. Согласно этому изданию, в 1934 г. Ким Ир Сен объединил партизанские отряды Восточной и Южной Маньчжурии и создал Корейскую народно-революционную армию (КНРА), а в 1935 – Лигу воз-

1 Декларация 2009b, 140.

2 Ibid.

3 Здесь мы выводим за рамки вопрос о том, в какой степени этот нарратив соответствовал историческим фактам. Подробнее о фальсификации истории и мифологизации деятельности Ким Ир Сена и КНРА см., например: Tertitskiy 2021, 164–183; Тертицкий 2022, 75–97.

4 КНДР 1958, 66.

5 Из приписываемого Ким Ир Сену доклада «Путь корейской революции» (1930 г.): «Основные задачи корейской революции заключаются в разгроме японского империализма и достижении независимости Кореи, вместе с тем в ликвидации феодальных отношений и осуществлении демократии. Исходя из основных задач корейской революции, на данном этапе она носит характер антиимпериалистической, антифеодальной демократической революции» (Ким 1979, 39).

6 КНДР 1958, 70.

рождения Родины. Программа Лиги содержала «антиимпериалистические и антифеодальные демократические задачи», была «первой в нашей стране революционной программой, творчески применившей теорию марксизма-ленинизма к действительности корейской революции»¹.

В «Современной истории Кореи» (1979) заслуги «великого вождя товарища Ким Ир Сена» описаны более обстоятельно. Упоминаются «Союз свержения империализма» и чучхе как «новая идеология» национально-освободительного движения, позволившая преодолеть фракционность внутри коммунистического движения. Идеи чучхе трактуются как творческое преломление марксизма-ленинизма на основе «практического опыта *самостоятельной* (выделено нами – *авт.*) борьбы»². Именно в такой интерпретации о чучхе было сказано в социалистической конституции КНДР 1972 г. История национально-освободительного движения во главе с Ким Ир Сеном прирастает новыми деталями: вождю приписывается создание Корейской революционной армии и Антиимпериалистического союза молодежи (1930), потом Антияпонской народной партизанской армии (1932) и т.д. На протяжении повествования красной линией проходит идея эффективности чучхе с точки зрения сплочения коммунистического движения и подготовки к свержению сил империализма в Корее³.

В «Очерке корейской истории» (1995) антиколониальный нарратив по-прежнему выдержан в рамках ленинской теории об империализме: «Японская политика экономической экспроприации превращала Корею в источник сырья, объект капиталовложений, рынок сбыта товаров и базу поставки рабочей силы. Страна стала поставщиком дешевой рабочей силы для Японии»⁴. Колониальный режим обострил классовые противоречия и, следовательно, побудил корейский народ встать на путь национального освобождения. В отличие от предшествующих работ, имя Ким Ир Сена впервые упоминается в контексте Первоапрельского восстания 1919 г., когда тысячи корейцев по всей стране выступили против колониального режима под лозунгом предоставления немедленной независимости Корее. Ким Ир Сен, будучи семилетним мальчиком, «участвовал в антияпонском восстании»⁵. В работе огромное внимание уделено революционной деятельности отца Ким Ир Сена Ким Хён Джика, благодаря которому национально-освободительное движение встало якобы «на правильный путь своего развития под знаменем национальной самостоятельности»⁶. Большую роль в развитии движения сыграло организованное Ким Хён Джиком Корейское национальное общество. Фактически деятельность Ким Ир Сена преподносится как продолжение дела его отца, в духе конфуцианской традиции сыновней почтительности⁷.

1 КНДР 1958, 75.

2 Ким 1979, 35. Вопрос об истории и природе «идей чучхе», как и о том, считать ли чучхе идеологией, до сих пор остается предметом академической дискуссии (подробнее об этом см., например: Myers 2015, 3–7; Klug 2019; Асмолов et al. 2022, 121–124). Официальное название идеологии КНДР – «кимирсенизм-кимирченизм» – отражает очевидное стремление поместить северокорейских вождей на один уровень с ключевыми фигурами марксизма-ленинизма.

3 Ким 1979, 186.

4 Ким, Кан 1995, 51.

5 Ibid., 63.

6 Ibid., 87.

7 Не забыты и заслуги прадеда Ким Ир Сена. Северокорейская историография приписывает ему активное участие в уничтожении американского судна «Генерал Шерман» в 1866 г. (Хан 2010, 505).

Точкой отсчета вступления Ким Ир Сена в революционное движение является 1926 г., когда он создает «Союз свержения империализма» и почти сразу же приступает к разработке новой идеологии *чучхе* (в период с 1926 по 1930 г.). Идеи *чучхе*, пишут авторы, заключаются в том, что «хозяевами революции и строительства нового общества являются народные массы и их движущей силой являются тоже народные массы»¹. Подробно описана деятельность Ким Ир Сена в 1930-е гг. по организации партизанского движения, усилению партийной работы (Антаяпонская народная партизанская армия, 1932 г., преобразование ее в КНРА в 1934 г., создание Лиги возрождения Родины в 1936 г. и Единого антияпонского национального фронта). В отличие от других работ, авторы упоминают о принудительной трудовой и военной мобилизации корейцев в годы китайско-японской войны, а также о женщинах, служивших сексуальными рабынями в японской армии (около 200 тыс. женщин)². Японский режим в эти годы именуется колониально-фашистским. В 1940-е гг. Ким Ир Сен продолжает вести революционную партизанскую войну в Маньчжурии, где он готовится к вооруженному освобождению Кореи³.

Отдельный любопытный элемент северокорейского антиколониального нарратива – народный партизанский эпос, который воспроизводится в КНДР в рамках публицистики, расширяющей официальную агиографию Ким Ир Сена, приключенческой литературы и монументальной живописи⁴. В этих дидактических рассказах обязательно звучит мотив морального и интеллектуального превосходства корейского народа и его вождя над японскими колонизаторами. По ходу сюжета роль протагониста меняется с Героя на Наставника (Ким Ир Сен разъясняет слушателям обстоятельства возникновения той или иной партизанской легенды) – так происходит процесс «работы над мифом»⁵.

Подытоживая анализ северокорейского нарратива антияпонского сопротивления, можно сказать, что историография КНДР пыталась сочетать ленинский подход к империализму с националистической трактовкой развития исторического процесса, основным субъектом которого объявлен корейский народ во главе с его вождем Ким Ир Сеном. Однако *чучхейский* подход противоречит марксистскому толкованию эволюции истории, в основе которого развитие производительных сил и производственных отношений, а не конкретная личность и творческое волеизъявление народных масс, как нас учит *чучхе*. При сохранении некоторых положений марксизма-ленинизма этот нарратив имеет в целом националистический, *чучхейский* характер, и понять его обстоятельно возможно только в рамках эволюции *чучхе* и концепции корейской революции – то есть в рамках северокорейского политического мифа.

Северокорейский исторический нарратив на разных этапах может приращивать новыми эпизодами, которые реактуализируются по мере политической не-

1 Хан 2010, 128.

2 Ibid., 222.

3 В 1970-е гг. северокорейская историография практически полностью «забывает» советский период биографии Ким Ир Сена, но в мемуарах вождя об этом говорится.

4 Асмолов 2018, 142.

5 Асмолов et al. 2022, 127–128. «Работа над мифом» – концепция, разработанная Х. Блюменбергом (Blumenberg 1985). Она предполагает сочетание речевого акта и действия в процессе создания и поддержания мифа (Bottici 2007, 99). По сути, такая трактовка созвучна концепции «коммуникативного действия» Ю. Хабермаса.

обходимости¹. В условиях, когда исторический дискурс конструируется с опорой на мифологемы, а не на объективные факты, возможны и совершенно непредсказуемые сценарии.

Национализм как основа антиколониального нарратива в Южной Корее

После освобождения Кореи интеллектуальные традиции историков-националистов на юге страны подхватила получившая в южнокорейской историографии широкую популярность теория колониальной эксплуатации (*синминчжи сутхаллон*). В ней колониальная политика рассматривается в рамках модернизационной модели, но исключительно в негативной коннотации, то есть как провальная и неудачная модернизация. Модернизационная модель в свою очередь использовалась корейскими историками-националистами намеренно, с тем чтобы опровергнуть положения японских историков колониальной исторической школы (*синмин сахак*), выделявших позитивные результаты модернизации Кореи колониального периода. Наиболее ярким представителем современной южнокорейской националистической историографии является Син Ёнха, в работах которого последовательно доказывается, что колониальный режим был исключительно эксплуатационным, направленным на уничтожение корейской нации, ее ассимиляцию японской нацией, а также что экономическое развитие Республики Корея никак не связано с эпохой японского империализма².

Официальный политический дискурс в Южной Корее по вопросам колониального прошлого также выдержан в рамках теории колониальной эксплуатации, но отличается националистической риторикой. Показательными в этом отношении могут быть выступления корейских президентов по случаю празднования Дня народного восстания 1 Марта, в которых нация как единое и неделимое целое – один из ключевых тезисов, причем раскрывается он в контексте партикулярных политических задач, современных выступающим. Из выступления президента Но Мухёна (2003–2008) в 2004 г.: «85 лет назад, охватив весь народ, развернулось Первоапрельское движение. Действительно, это было глубочайшее по своему значению событие, когда народ был един [...]. В основе единства был дух самостоятельности и независимости нашего народа. [...] Была душа. Был универсальный принцип человеческого общества, называемый “свобода и равенство”. Этот принцип – вечная ценность, не меняющаяся, какие времена ни наступали бы и как жизнь ни развивалась бы. После было создано Шанхайское Временное правительство, движение за независимость усилилось, и по всему миру широко прославились дух и воля корейцев»³. Похожие идеи, несмотря на

1 Яркий пример такого прирастания – история «партизанских деревьев» с лозунгами, призывавшими на борьбу с японскими оккупантами. Эти деревья начали «обнаруживать» в конце 1950-х гг. в окрестностях горы Пэктусан, где, согласно официальной историографии, базировалась партизанская армия Ким Ир Сена (поначалу, кстати, в лозунгах он не упоминался – имя вождя возникает на них с начала 1960-х). Затем эти деревья начали находить по всей стране, причем содержание партизанских лозунгов соответствовало политическим требованиям момента обнаружения этих деревьев (так, в 1970-е обнаружили лозунги, подчеркивавшие преданность партизан младенцу Ким Чен Иру). Со временем эти деревья прочно обосновались как в официальной агиографии семьи Ким, так и в официальной историографии борьбы за независимость, образовав очередной мемориативный комплекс (подробнее об этом см.: Ланьков 2020, 62–65).

2 Ким 2014, 177–185.

3 제85주년 3·1절 기념사 (Congratulatory speech on the occasion of the 85th anniversary of March First Uprising), accessed June 28, 2023, <https://archives.knowhow.or.kr/record/all/view/86811>.

существенные различия в политическом режиме, присутствовали в поздравительной речи президента Чон Духвана в 1982 г.: «Благородный национальный дух наших предков, которые 63 года назад с голыми кулаками восстали против угнетения иноземцев, пробуждает нас к новой решимости в эпоху, когда высшими задачами являются национальное единство и национальный скачок... Когда самостоятельность и независимость потеряны, нация становится не более чем скитальцем, и в итоге даже ее имя исчезает из истории»¹.

Неизменным элементом антиколониального нарратива является идея недопустимости уничтожения корейцев как нации, объединенной единым языком, кровью и культурой (историей)². Самым страшным преступлением японского колониализма остается политика ассимиляции корейской нации, осуществлявшаяся под лозунгом «Внутренние земли и Корея – едины» (кор. 내선일체, япон. 内鮮一体), и превращение корейцев в подданных японского императора (1937–1945).

Превознесение нации, ее отважной борьбы с японскими оккупантами стало предметом государственной политики и остается таковым по настоящее время. Изложение истории колониального периода в школьных учебниках полностью подчинено этой задаче: ключевым здесь является история национально-освободительного движения и акцентирование внимания на отдельных кампаниях националистического толка (движение за сохранение национальной истории и корейского языка, кампания в поддержку отечественных производителей) и действиях колонизаторов, направленных на ассимиляцию корейцев³. В современных южнокорейских работах по истории национальной борьбы можно даже обнаружить следы северокорейского нарратива об антияпонской борьбе – упоминаются и Ким Ир Сен с его «Обществом возрождения Отечества» и «Союзом национального освобождения Кореи», и рейд на Почхонбо (хотя он и не наделяется такими эпическими характеристиками, как в КНДР, но все же называется «битвой»)⁴. В южнокорейском нарративе – так же, как и в северокорейском – подчеркивается историческое «чувство превосходства» корейцев над японцами «в культурном плане»⁵.

Общенациональное празднование Первомартовского восстания и Дня освобождения (15 августа) также призвано объединять корейцев вокруг идеи борьбы с колонизаторами и сохранения себя как нации.

Травма обретения независимости – борьба за значимость

В 1948 г. в речи, посвященной десятой годовщине гибели одного из выдающихся деятелей борьбы за независимость Кореи Ан Чханхо, перед его портретом другой известнейший лидер националистов Ким Гу с горечью заметил: «Учитель, если освобождение нашей родины разделить на десять частей, то семь из них

1 “제63주년 3·1절 기념사 (Congratulatory speech on the occasion of the 63rd anniversary of March First Uprising),” accessed June 28, 2023, https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1306877.

2 В условиях проводимой южнокорейским правительством в XXI в. политики мультикультурализма наблюдается отход от традиционного историко-культурного подхода к определению корейской нации, но пока еще рано говорить о полном отказе или переосмыслении: единство крови, языка и культуры является важным для самоидентификации корейцев сегодня, в том числе с точки зрения обоснованности объединения Кореи.

3 국사편찬위원회.

4 Джан 2015, 250–251.

5 Пан 2015, 82.

были достигнуты кровью наших патриотов. Но, к сожалению, понимание факта, что оставшиеся три части были достигнуты не нашими силами, означает необходимость внести новый анализ нашего освобождения в энциклопедию, иначе оно обретет странный смысл»¹.

Свобода, полученная «из чужих рук», имела горький привкус. И многие лидеры национально-освободительного движения, по всей видимости, интуитивно понимали, что травма от этого ощущения может оказаться не менее болезненной, чем от колониальной зависимости. Поэтому и в вопросе освобождения нарратив субъектности корейцев и значимости их собственного вклада, их борьбы играл важную роль, причем с первых же дней избавления от колонизаторов. Так, передачу власти от японской колониальной администрации в руки корейцев один из лидеров народно-освободительного движения Ё Унхён обусловил обязательным суверенитетом (*чучхечжогыро*) корейцев в вопросах обеспечения собственной безопасности². Крайне болезненно корейцы восприняли и решение Московского совещания министров иностранных дел о пятилетней международной опеке, призванной помочь «политическому, экономическому и социальному прогрессу корейского народа, развитию демократического самоуправления и установлению государственной независимости Кореи»³. Это решение было унижительным для корейцев – в их глазах они сменили одно господство на другое.

Следы этой травмы можно найти и в современной южнокорейской историографии. Так, авторы коллективной монографии «История движения за независимость Кореи» (2015), подготовленной Институтом по изучению истории движения за независимость Кореи, в финальной главе сетуют на то, что «большинство корейцев не считает, что освобождение было достигнуто нашими силами» и «Союзные государства (страны антигитлеровской коалиции – *авт.*) не признали роль Кореи в борьбе с Японией»⁴. Рефлексия по поводу значимости усилий корейского народа в борьбе за освобождение формирует один из лейтмотивов этой книги.

На повышение этой значимости фактически направлены и международные коммеморативные практики, в последние годы играющие немаловажную роль в дипломатии Республики Корея. Под патронажем южнокорейских дипломатов возводятся памятники героям освободительного движения в России и странах СНГ, в Южную Корею перевезены и торжественно перезахоронены останки Хон Бомдо и Ке Бону⁵. Такие активные (если не сказать агрессивные) меры позволяют говорить о попытках «присвоения» исторической памяти о героях национально-освободительного движения.

В КНДР нарратив о субъектности корейцев в деле освобождения от колониального господства также видоизменялся по мере укрепления личной власти Ким Ир Сена. Немаловажным драйвером внутривнутриполитических процессов на Севере

1 Хан 2015, 310–311.

2 Myers 2015, 12–21.

3 Инициатива введения режима опеки принадлежала США. См.: Московское совещание министров иностранных дел Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства (16–26 декабря 1945 года). Корея. 27 декабря 1945 года. // Электронная библиотека исторических документов. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/jbwci> (дата обращения: 28.06.2023).

4 Хан 2015, 313.

5 Сон б.д.

стала фракционная борьба, развернувшаяся в политическом руководстве КНДР после завершения Корейской войны и смерти Сталина. Свою роль сыграл и XX съезд КПСС – выступление Н.С. Хрущева с «разоблачением культа личности» стало шоком для политических элит социалистических стран. А в 1956 г. произошла попытка отрешения Ким Ир Сена от власти (не без участия политического руководства СССР и КНР)¹. В ответ Ким Ир Сен резко ужесточил внутривластные репрессии («зачистка» фракционеров началась еще в 1953 г.), что к концу 1950-х гг. привело к утверждению и консолидации его единоличной власти, а к концу 1960-х гг. оформилось в идеологему «восхваления вождя»². Эти процессы требовали первой серьезной редакции политического мифа (в частности, именно к этому периоду относят первое использование Ким Ир Сеном термина чучхе³). Следуя за эволюцией нарратива о роли вождя в освобождении страны, можно проследить и эволюцию северокорейского вождизма в целом.

Так, еще в конце 1950-х гг. северокорейская историография признавала, что поражение японского империализма и освобождение Кореи стали возможными благодаря вступлению Советского Союза в войну с Японией 9 августа 1945 г.⁴ К 1980-м гг. нарратив сменился: освобождение Кореи состоялось уже благодаря реализации плана Ким Ир Сена, который предусматривал взаимодействие с Красной армией. «Не прошло и недели после начала операции КНРА по освобождению Родины, как империалисты Японии поспешно объявили о безоговорочной капитуляции 15 августа 1945 года»⁵. В середине 1990-х гг. происходит окончательное «забывание» роли Красной армии. Согласно «Очерку корейской истории», 9 августа 1945 г. в соответствии с разработанным Ким Ир Сеном планом КНРА приступила к освобождению родины. Роль СССР сводится к совещательной: накануне, в июле 1945 г., Ким Ир Сен «обсуждал вопрос о взаимодействии с советскими войсками» в Хабаровске с высокопоставленными военными командирами. «Получив сокрушительный удар от соединений КНРА» и корейского народа, японские империалисты 15 августа вынуждены были капитулировать. Все заслуги по освобождению Кореи авторы приписывают КНРА во главе с Ким Ир Сеном. Такая трактовка освобождения однозначно соответствует идеям чучхе о роли народных масс в истории и принципу самостоятельности и национальной независимости. Победа над японским империализмом при этом означала завершение антиколониальной борьбы, но не корейской революции. «Разгромив японский империализм – ударный отряд международного фашизма в Азии, корейская революция внесла свой активный вклад в спасение человечества от фашистского порабощения, сыграла громадную роль в открытии эпохи крушения колониальной системы империалистов»⁶.

В южнокорейском историческом дискурсе факт освобождения Кореи Красной армией также замалчивается, упоминается только факт высадки

1 Подробнее об этих событиях см. Ланьков 2009.

2 Стенограмма дискуссии в рамках секции «Корейский политический миф: версии Севера и Юга» на XIII Конвенте РАМИ в МГИМО.

3 Утверждается же этот термин в северокорейском политическом нарративе только к середине 1960-х – в отличие от Юга, где он был в ходу с середины 1950-х (Myers 2015, 13).

4 КНДР, 82.

5 Ким 1979, 186.

6 Ким, Кан 1995, 249.

американских войск на Юге Кореи в сентябре 1945 года. Освобождение Кореи иностранными силами остается одним из самых болезненных эпизодов национальной истории, который умаляет национальную гордость корейцев, поэтому об этом предпочитают «забывать».

Травма разделенности – борьба за статус

На развитие постколониального нарратива в КНДР и РК огромное влияние оказали общие структурные процессы международной системы – глобальная деколонизация и противостояние социалистической и капиталистической систем. Следствием первой стала сама возможность для бывших колоний определять свое будущее, а вторая вписывала национальную эмансипацию в гораздо более широкий контекст. Советский Союз активно использовал антиимпериалистическую доктрину для продвижения своего влияния в странах Азии и Африки. Северная Корея в этом отношении была идеальным объектом влияния: десятилетиями дискриминируемый корейский народ воспринял антиимпериализм как адекватное решение для определения своего отношения к колониальному прошлому и суверенному будущему.

Руководство КНДР сразу после освобождения от японского колониализма стало бороться с американским влиянием и присутствием. В отличие от Южной Кореи, в КНДР не произошло переосмысления основ отношений общества и власти внутри колониальной системы: неоколониализм определяется через те же свойства, что и колониализм XIX–XX вв., с опорой на ленинскую теорию об империализме – даже в постколониальный период. Вообще, северокорейский политический миф постулирует обязательную приверженность догматам в их изначальном, неизменном виде¹, поэтому в отношении КНДР понятие «постколониализм» скорее описывает период времени после освобождения страны, чем характер дискурса.

Раскол Кореи в 1948 г. вследствие противостояния великих держав в годы холодной войны² актуализирует в общественном пространстве проблему объединения. Нарратив об объединении развивается параллельно с нарративами о нациестроительстве, формируя сложную ткань национального политического мифа.

Следует также отметить, что в 1960–1990-е гг. в обеих частях разделенной страны усиливается звучание нарратива линии крови (*пхитчуль / хельтхонь*), или «чистой крови», как основы единства нации³. В этот период тема крови, восходящая еще к доколониальным временам (а в колониальные ставшая одним из дискурсивных способов борьбы за субъектность), выделяется уже в полноценный отдельный нарратив. Актуальна она в различных изводах (от сугубо примордиалистских до метафорически-конструктивистских) и сейчас как на Севере, так и на Юге.

- 1 Верность заветам Ким Ир Сена считается в КНДР одной из основ государственности и одной из главных обязанностей национального лидера: «уважаемый и любимый товарищ Ким Чен Ын, без самых малейших изменений, в первозданном виде продолжает мысль и намерения великих вождей» (Тань 2014).
- 2 Фактически Корея была разделена непосредственно сразу после освобождения по 38 параллели в связи с договоренностями между СССР и США о принятии капитуляции японской армии в 1945 г.
- 3 Подробнее о нарративе линии крови и чистоты крови в контексте нациестроительства в Корею см., например: Myers 2010; Крупянко и Акуленко 2017; Нун 2019; Roebuck 2022; Асмолов et al. 2022, 125.

Нарратив борьбы с американским империализмом в Северной Корее

Оказавшаяся в период холодной войны в социалистическом лагере КНДР автоматически противопоставила себя капиталистическим державам, прежде всего – США. Борьба с американским империализмом в Северной Корее была борьбой с конкретной осязаемой внешней силой, считавшейся главным виновником раскола Кореи, «кровным врагом корейского народа». Если критика японского колониализма в северо-корейской исторической литературе или периодической печати ведется в основном в воспитательных целях¹, то критика американского империализма красной линией проходит через многочисленные выступления северо-корейских вождей, посвященные вопросам международных отношений, внутренней и внешней политики КНДР.

До начала Корейской войны критика американского империализма сводилась к обвинениям США в том, что они подавляют демократические силы на Юге Кореи и противодействуют формированию единого правительства. По мере обострения внутривластной ситуации на Юге критика американской политики в Корее становилась все более жесткой и категоричной. Вместе с США Ким Ир Сен осуждал действия их «прислужников», реакционных сил во главе с Ли Сын Маном. Ситуация в Южной Корее при американской военной администрации стала сравниваться с эпохой японского империализма, когда политические свободы подавлялись, а крестьяне и рабочие подвергались «жестокой эксплуатации»². Естественным образом в антиколониальном нарративе возникло противопоставление Северной Кореи Южной: Север описывался как «край демократии», Юг – «край реакции, убийств и разрушений»³.

Отказ США от участия в совместной советско-американской комиссии, передача корейского вопроса на рассмотрение ГА ООН, равно как и отказ от советского предложения о выведении оккупационных войск из Кореи стали водоразделом в критике американского империализма в Корее (август–октябрь 1947 г.). Для северо-корейского руководства это означало, что США больше не настроены на диалог с СССР, не поддерживают формирование единого правительства с участием коммунистов, а значит, их империалистические намерения в Корее очевидны. Начавшаяся Корейская война (1950–1953) окончательно укрепила руководство Северной Кореи во мнении, что нет более злейшего врага, чем американский империализм. Война преподносилась как борьба против марионеточного режима Ли Сын Мана, чьи войска вероломно напали «на территорию северной части Республики»⁴. Но сделала это лисынмановская клика не самостоятельно, а «по указке американских империалистов», да еще и в сговоре с японскими милитаристами – такими же «заклятыми врагами корейского народа»⁵.

1 Периодические издания КНДР регулярно публикуют статьи и фотографии, повествующие о зверствах японских колонизаторов. Помимо прочего, в КНДР созданы различные мемориальные объекты, которые также используются в воспитательных и просветительских целях, формируют устойчивые представления в массовом сознании об эксплуататорском характере японского колониализма и славной борьбе корейского народа за освобождение (дом-музей Мангёнэ, Тэсонсанское мемориальное кладбище революционеров, Музей революции и др.).

2 Ким 1976, 118–119.

3 Ibid., 230.

4 Ibid., 304.

5 Ibid., 305.

Поэтому неслучайно в северокорейской историографии Корейская война официально именуется «Отечественной освободительной войной».

Окончание Корейской войны и подписание соглашения о перемирии считали в Северной Корее победой сил демократии (КНДР, КНР) в борьбе за свободу и независимость Кореи, первым шагом на пути к мирному объединению родины. На этом пути требовалось для начала сосредоточить все силы на восстановлении народного хозяйства, создать прочный базис социалистической экономики в «северной части Республики». Заключение Южной Кореей договора о взаимной обороне с США было воспринято как предательский акт со стороны Ли Сын Мана, «преследующий цель узаконить вечное пребывание войск американских захватчиков в Южной Корее и при случае нарушить соглашение о перемирии...»¹. Так в северокорейском антиколониальном нарративе появился тезис о выводе американских войск из Кореи, который сохраняется по сей день и является условием для объединения Кореи².

После Корейской войны Северная Корея официально придерживалась мирного решения вопроса объединения страны, хотя и не исключала вооруженное. Поэтому и формат взаимоотношений с американским империализмом, виновником раскола Кореи, мог быть различным. Мирные формы борьбы с американскими империалистами сводились к укреплению идеологической работы в массах, «повышению революционной сознательности населения южной части», тогда как вооруженные – к «ослаблению сил империализма в результате большой войны» (мировой войны, а не локального конфликта). КНДР неоднократно призывала США заменить соглашение о перемирии на мирный договор и вывести войска из Южной Кореи³. Антиимпериалистическая риторика, таким образом, тесно вплетена в нарратив объединения страны: любые действия США и Южной Кореи, вроде проведения масштабных военных учений, размещения дополнительных вооружений, расцениваются как ущерб объединению, а следовательно, и национальному суверенитету.

В XXI в. в Северной Корее по-прежнему жестко критикуют американский империализм. В прессе и в выступлениях Ким Чен Ына по отношению к США используются термины «американский империализм», «заклятый враг», «монстр», «империя зла», действующая заодно с «бандой марионеток» (Южной Кореей) против суверенитета КНДР и ее политики развития сил ядерного сдерживания⁴. США и «марионеточную» Южную Корею упрекают в попытках развязывания ядерной войны против Северной Кореи, угрозах ликвидировать северокорейский режим. Для противостояния американскому империализму Ким Чен Ын призывает укреплять антиимпериалистическое, антиамериканское классовое воспитание корейского народа, от которого зависит «будущее революции

1 Ким 1976, 443.

2 Три основных принципа объединения – самостоятельность, мирное объединение, великая национальная консолидация – прописаны в Совместном заявлении Юга и Севера от 4 июля 1972 г. Последующие декларации (2000, 2007, 2018) основывались на этих принципах. Пребывание иностранных войск в Корее противоречит принципу самостоятельности. Требование вывести войска из Южной Кореи, а также ядерное оружие и оружие массового истребления обсуждалось между сторонами в ходе обмена мнениями, но никогда не включалось в текст совместной декларации (Предложения КНДР...1982, 168).

3 Ким 2012, 12–13.

4 “로동신문 (Rodong Sinmun),” May 4, 2023, accessed June 28, 2023, <http://surl.li/jbwcy>.

и страны»¹. В прессе появляются различные публикации, повествующие о собраниях общественности, участники которых выражают свое негодование в адрес США и их приспешников и подтверждают готовность бороться за независимость Республики. Как и в предшествующий период, придерживаясь преимущественно мирного способа разрешения противостояния с США, КНДР не отрицает возможность вооруженной борьбы. Корейская народная армия, как пишет пресса, вооружена современным оружием – термоядерным и гиперзвуковым, сплочена вокруг верховного главнокомандующего «перед лицом постоянной ядерной угрозы со стороны США» и всегда готова к сражению².

Фактически, при Ким Чен Ыне антиколониальный нарратив в КНДР существенно не изменился. Ким Чен Ын последовательно развивает ту же идеологическую линию, что и его отец, и дед (см. выше о приверженности догматам). Единственное новое, что появляется в этом антиколониальном дискурсе, относится к России, которую в прессе нередко упоминают в контексте текущего ее противостояния с Западом. После распада Советского Союза Россия в северокорейском антиколониальном дискурсе на время утратила статус страны, стоящей в авангарде борьбы с империализмом и колониализмом. Но теперь мы снова видим упоминание о ней в прессе в контексте антиколониальной борьбы.

Постколониальный дискурс в постколониальной Южной Корее

Нарратив сохранения единства корейской нации, а точнее, ее объединения в связи с разделением Кореи на два государства в 1948 г. стал в Южной Корее интердискурсивным явлением в антиколониальном дискурсе национально-освободительной борьбы после освобождения. В определенном смысле даже можно говорить, что нарратив объединения – это постколониальный нарратив и его можно рассматривать как самостоятельный. Но нарратив объединения стандартно возникает в контексте памятных мероприятий, будь то освобождение и воссоздание корейской государственности или Первоапрельское восстание, которые выше мы отнесли к антиколониальному дискурсу. Наложение дискурсов доказывают многочисленные выступления южнокорейских президентов по случаю празднования Первоапрельского восстания и Дня освобождения, начинающиеся с констатации освобождения и борьбы за независимость и заканчивающиеся вопросами объединения Кореи³. Нарратив объединения оказывается тонко вплетен в антиколониальный дискурс национально-освободительной борьбы и борьбы за независимость. При этом он и хронологически, и по своей интенции является скорее постколониальным, формируя самостоятельный постколониальный дискурс единства нации.

Постколониальный дискурс также формирует нарратив жертвенности Кореи в годы японской оккупации. Этот нарратив в свою очередь распадается на

1 “로동신문 (Rodong Sinmun)”, May 5, 2023, accessed June 28, 2023, <http://surl.li/jbwddc>.

2 “로동신문 (Rodong Sinmun)”, April 21, 2023, accessed June 28, 2023, <http://surl.li/jbwdfw>.

3 Случайная выборка речей президента Пак Чонхи в День освобождения (кванбокчоль) за 1970, 1974 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/jbwddm> (дата обращения: 28.06.2023); Речь президента Ким Дэчжуна в 1998 г. по случаю празднования Первоапрельского восстания. [Электронный ресурс]. URL: https://ko.wikisource.org/wiki/제79주년_삼일절_기념사 (дата обращения: 28.06.2023); Речь президента Пак Кынхе в День Первоапрельского восстания в 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.co.kr/news/politics/5463499> (дата обращения: 28.06.2023).

нарратив о «женщинах для утешения» (*вианбу*), обманным путем мобилизованных японскими колониальными властями для работы на «станциях утешения», и жертвах принудительной трудовой и военной мобилизации. Хотя о принудительной мобилизации, в том числе и о *вианбу*, было известно в Корее и Японии еще в 1950–1980-е гг., по ряду причин об этом активно не писали в прессе и не обсуждали в обществе до 1990-х годов. По замечанию Мин Пёнгап, память о *вианбу* замалчивалась потому, что послевоенное японское правительство скрывало информацию о преступлениях милитаристской Японии, государства-союзники не проявляли большого интереса к азиатским жертвам японского милитаризма, в то время как в самой Южной Корее господствовали военно-авторитарные режимы и доминировали патриархальные взгляды и ценности, мешавшие жертвам выступить с публичными откровениями¹.

С началом либерализации политического режима в Южной Корее на рубеже 1980–1990-х гг. эта тематика реактуализируется в общественном дискурсе. Ведущими мнемоническими акторами в этом процессе были общественные организации – Объединение женщин протестантских церквей Кореи (*Хангук кёхе ёсон ёнхэпхе*) в Южной Корее, а в Японии – объединения корейских соотечественников – *Миндан* и *Чонрён*, а также левые японские интеллектуалы². В Южной Корее с 1990-х гг., а во втором десятилетии XXI в. и в разных городах мира³, создаются места памяти жертв «станций для утешения», подобные Дому «женщин для утешения»⁴ или памятникам «Девушке мира» (*пхенхваый сонёсан, вианбу киримби*), которые символизируют молодую девушку – *вианбу*⁵. С 2017 г. 14 августа официально стал днем памяти жертв – *вианбу* (*вианбу пхихэчжа киримиль*).

«Женщины для утешения» формально являлись принудительно мобилизованными на заводы или фабрики, но фактически привлекались к работе в военных борделях. Поэтому наряду с актуализацией памяти о *вианбу* активно стали вспоминать жертв принудительной трудовой и военной мобилизации в годы японской оккупации. В 2007 г. парламент РК принял Закон о помощи жертвам принудительной мобилизации внутри страны и за рубежом в период войны на Тихом океане, в 2010 г. – Закон о сборе сведений о жертвах принудительной мобилизации и помощи жертвам внутри страны и за рубежом в период анти-японского сопротивления. Принятие «исторических законов» о жертвах принудительной мобилизации означало, что государство придает огромное значение сохранению памяти о пострадавших. Как и с *вианбу*, акцент сделан на жертвенности корейцев в колониальный период. Наряду с тезисом об эксплуатации корейского народа, развиваемом в антиколониальном дискурсе, появляется новый нарратив Кореи – жертвы, который делает, казалось бы, давно разрешенный во-

1 Min 2021, 32.

2 Ким 2019, 132–133.

3 “KBS News,” March 9, 2017, accessed June 28, 2023, <https://news.kbs.co.kr/news/view.do?ncd=3442342>.

4 Этот Дом служит и музеем, и местом проживания оставшихся в живых «женщин для утешения» (на 2 мая 2023 г. их оставалось всего 9 из 240 официально зарегистрированных). См. “위안부 피해자 할머니 벌써... 생존자 이제 9명(‘Comfort Women’ victim Grandmother Starve... Survivors now 9),” Hankyoreh, May 2, 2023, accessed June 28, 2023, https://www.hani.co.kr/arti/society/society_general/1090307.html.

5 Корея. Коллективная фотовыставка «Коллективная память о японском милитаризме» // НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс]. URL: https://oriental.hse.ru/hismem/photoex_korea (дата обращения: 28.06.2023).

прос о колониальном наследии и ответственности Японии вновь актуальным.

Создание различных мест памяти жертв принудительной мобилизации в Южной Корее призвано напомнить всему миру в XXI в., что японское правительство использовало принудительный труд в своих милитаристских целях и при этом до сих пор не понесло за это никакого наказания. За скобки нарратива выводится то обстоятельство, что и японские подданные подлежали трудовой и военной мобилизации, а не только народы колоний или оккупированных территорий¹. На сегодняшний день в Южной Корее функционирует Фонд помощи жертвам принудительной мобилизации (2014) и Национальный музей истории принудительной мобилизации (2014), в Сеуле на станции метро Ёнсан установлена статуя рабочего – жертвы принудительной мобилизации (2017), в г. Пусан и г. Чхонан воздвигнуты памятники жертвам принудительной мобилизации. Места памяти не только служат символическим напоминанием о преступлениях колонизаторов, но и выполняют просветительскую функцию – на их территории организуют выставки, лекции и семинары. Таким образом тема принудительной трудовой и военной мобилизации последовательно поддерживается в общественном дискурсе, учебной и просветительской литературе. Требование же к японским компаниям выплатить корейским рабочим материальную компенсацию вывело дискурс за рамки внутринационального, сделав проблематику принудительного труда предметом международного спора между Южной Кореей и Японией о том, должна ли Япония сегодня нести материальную ответственность за колониальную политику².

Если нарратив Кореи-жертвы соответствует основным положениям националистической историографии о колониальной эксплуатации, то теория колониальной модернизации, разрабатываемая исследователями Института Наксондэ Сеульского национального университета, представляет собой попытку тотального пересмотра сложившегося антиколониального дискурса и, таким образом, порождает еще один постколониальный нарратив – колониальной модернизации. Во-первых, в рамках данной теории сомнению подвергается тезис о нещадной эксплуатации корейцев в период японской оккупации и, как следствие, якобы отсутствию какого-либо значимого роста и развития. «Ученые института показали, что с 1911 по 1940-е гг. производство продукции на душу населения возросло. При этом увеличение доходов собственно японских граждан и уменьшение доходов корейцев еще не означало неравного распределения доходов между двумя группами населения в Корее»³. Во-вторых, в работах исследователей Наксондэ, преимущественно экономистов, доказывается, что существует прямая связь между современной рыночной экономикой Южной Кореи и экономикой колонии. Не одобряя сам факт колонизации Кореи Японией, сторонники теории колониальной модернизации позитивно оценили снижение безграмотности населения, развитие инфраструктуры, строительство промышленных предприятий и другие элементы «модернизации», которые никак не учитывались национали-

1 Ким 2022, 61–62.

2 В КНДР в этом направлении активно действует (в том числе и на международной арене) «Корейский комитет по возмещению ущерба жертвам японской армии, принудительной мобилизации и «женщинам для утешения», а впервые этот вопрос был поднят, согласно официальной историографии, Ким Ир Сенем еще в 1943 г. (Ким 1943).

3 Ким 2014, 179.

стической историографией, поскольку последняя фокусировалась исключительно на эксплуатации корейского населения.

Этот подход становится элементом нового нарратива – нарратива о «диалоге с Другим», который развивается в духе идей М.М. Бахтина 1920-х гг. об экзистенциальной необходимости «Другого» для осознания себя¹. В его рамках японский колониализм предстает уже не как безусловный враг корейского народа, но как значимый «Другой». Это позволяет по-иному рефлексировать роль Японии в формировании корейской нации, переосмысливать колониальное наследие и менять отношение к коллаборационистам, которые из безусловных «национал-предателей» превращаются, скорее, в жертв обстоятельств². В южно-корейском кинематографе переосмысливаются даже такие исторические фигуры, как Ким Вонбон, которого прежде стигматизировали как коммуниста и, соответственно, врага³.

Заключение

Публичная репрезентация истории движения за независимость в Корее в КНДР осуществляется скорее в поле *исторической политики*, тогда как в случае Республики Корея – в поле *политики памяти*. Различие между этими пересекающимися понятиями определяется составом и сферой деятельности мнемонических акторов. Если историческая политика, по определению А.И. Миллера, заключается в «использовании государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты»⁴, то политику памяти О.Ю. Малинова предлагает понимать как «деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – еще и законодательного регулирования»⁵.

В КНДР главным (и, по сути, единственным) мнемоническим актором является государственная идеологическая машина, следующая запросам власти на те или иные нарративы. Иными словами, в КНДР политика памяти и историческая политика тождественны. Эти запросы формируются в соответствии с политической необходимостью, которая и определяет доминирующие в каждый конкретный момент акценты. Критика японского империализма и колониализма естественным образом перетекает в критику империализма и колониализма американского. Структурными элементами антиколониального нарратива остаются темы независимости, субъектности, освобождения, господства, подчинения, дискриминации, эксплуатации, реакции, классовой борьбы, чужде, корейской революции и, конечно, центральной роли ее вождя. В основе нарратива борьбы с американским империализмом – история противостояния левых (демократических)

1 Бахтин 1986.

2 См., например, Kim et al, 2013; Kang 2017; Shin 2018; Scholl 2019. Корпус подобных работ весьма обширен.

3 Стенограмма дискуссии в рамках секции «Корейский политический миф: версии Севера и Юга» на XIII Конвенте РАМИ в МГИМО.

4 Миллер 2012, 19.

5 Малинова 2018, 33.

и правых (реакционных) сил в Корее, Корейская война, объединение, становление сил ядерного сдерживания КНДР, национальная независимость и самостоятельность.

Впрочем, в северокорейском нарративе можно обнаружить и некоторые признаки «постколониальности» – американский экспансионизм в КНДР объясняется преимущественно через установление *отношений господства и подчинения*¹ скорее социально-политического, а не экономического характера². Кроме того, сама возможность выделить в северокорейском нарративе мотив рефлексии «трех исторических травм» также может истолковываться в постколониальном ключе.

В Республике Корея, при безусловном преобладании официального исторического нарратива, все же можно говорить о формировании историко-политического дискурса хабермасовского типа – «идеальной речевой ситуации», диалога разных, даже противоположных нарративов с целью достижения общественного согласия по значимому вопросу³. Этому способствует разнообразие мнемонических акторов и общественно-политических целей, которые они преследуют. Разумеется, до достижения общественного согласия в этом отношении южнокорейским историкам, политикам и активистам еще далеко – дебаты в самом разгаре⁴. Современный постколониальный дискурс в Южной Корее приобретает характер критического не только по отношению к колониальному или империалистическому господству, но и (в различных своих изводах) по отношению к противоборствующим историко-политическим трактовкам особенностей такого господства.

В нем прослеживается множество общих мотивов с северокорейским нарративом (драматическая рефлексия «трех травм», оценки колониальной политики Японии, запрос на особую значимость национально-освободительной борьбы и ее героев). Это отражает историческую общность восприятия на Севере и на Юге политических задач периода колониализма и даже начального периода разделения страны – выживание нации, сохранение ее достоинства, обретение независимости и, наконец, объединение страны (даже в мотивах послевоенного восстановления экономики и хозяйства можно обнаружить схожесть). Различия же в нарративах начинают формироваться по мере развития государственности в КНДР и РК. Все более существенное расхождение в принципах построения и управления государством реализуется во все более существенном расхождении общественного опыта, а значит, разнятся и запросы на содержание политического мифа, и методы «работы над мифом», и состав участников этой работы.

1 Эта концепция служит своего рода «визитной карточкой» критической теории, элементом которой является постколониальный нарратив.

2 Редкий пример обращения к теме экономической экспансии – короткий абзац в пятистраничном Отчетном докладе ЦК ТПСК II съезду партии: «Американские империалисты пытаются полностью превратить Южную Корею в собственную колонию с тем, чтобы вывозить из нее рис, золото, серебро, медь, вольфрам и другие ценные ресурсы Южной Кореи, сбывать там свои залежалые товары, пытаются полностью захватить всю Корею и сделать ее плацдармом для агрессии на Востоке» (Ким 1976, 231).

3 Фурс 2000, 65–66.

4 Ahn 2014.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Асмолов, К.В. Не только ракеты: путешествие историка в Северную Корею. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, Университет Дмитрия Пожарского, 2018.
- Asmolv, Konstantin V. *Ne tol'ko rakety: puteshestvie istorika v Severnuyu Koreyu*. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2018 [In Russian].
- Асмолов, К.В., Соловьев, А.В., Лебедев, В.В. Элементы домодерна, модерна и постмодерна в политическом мифе КНДР: опыт конструктивистского анализа // Модернизация Кореи: политика, экономика, общество, культура (под общ. ред. Р. Тангалычева). М.: ВЦИОМ, 2022. Гл. 6. С. 116–139.
- Asmolv, Konstantin V., Alexander V. Soloviev, and Vasilii V. Lebedev. "Elementy domoderna, moderna i postmoderna v politicheskom mife KNDR: opyt konstruktivistskogo analiza." In *Modernizatsiya Korei: politika, ekonomika, obshchestvo, kul'tura*, edited by R. Tangalychev, 116–139. Moscow: VTSIOM, 2022 [In Russian].
- Барм, Р. Миф сегодня // Мифологии. Пер. с фр. С. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1996.
- Barthes, Roland. "Myth today." In *Mythologies* by Ronald Barthes. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyx, 1996 [In Russian].
- Декларация независимости 1 марта 1919 г. // К 90-летию Первомартовского народного движения 1919 г. в Корею. Материалы научной конференции. М.: Первое Марта, 2009а. С. 124–125.
- "Deklaratsiya nezavisimosti 1 marta 1919 g." *K 90-letiyu Pervomartovskogo narodnogo dvizheniya 1919 g. v Koree. Materialy nauchnoi konferentsii*, 124–125. Moscow: Pervoe Marta, 2009a [In Russian].
- Декларация независимости Кореи (Иркутск) // К 90-летию Первомартовского народного движения 1919 г. в Корею. Материалы научной конференции. М.: Первое Марта, 2009б. С. 140.
- "Deklaratsiya nezavisimosti Korei (Irkutsk)." *K 90-letiyu Pervomartovskogo narodnogo dvizheniya 1919 g. v Koree. Materialy nauchnoi konferentsii*, 140. Moscow: Pervoe Marta, 2009b [In Russian].
- Джан Гюсик. Разделение и развитие движения за независимость // История движения за независимость Кореи [Пер. с кор.]. Сеул, 2015. С. 146–253.
- Jang Gysuk. "Razdelenie i razvitie dvizheniya za nezavisimost'." In *Istoriya dvizheniya za nezavisimost' Korei*, 146–253 [Translated from Korean]. Seoul, 2015 [In Russian].
- Ким Ир Сен. Избранные произведения. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1976.
- Kim Il Sung. *Izbrannye proizvedeniya*. Pyonyang: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 1976 [In Russian].
- Ким Ир Сен. Осуществить самостоятельное мирное объединение родины. М., 2012.
- Kim Il Sung. *Osushchestvit' samostoyatel'noe mirnoe ob'edinenie ro diny*. Moscow, 2012 [In Russian].
- Ким Ир Сен. Ответы на вопросы иностранных журналистов. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1974.
- Kim Il Sung. *Otvety na voprosy inostrannykh zhurnalistov*. Pyonyang: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 1974 [In Russian].
- Ким Хан Гир. Современная история Кореи. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1979.
- Kim Han Gir. *Sovremennaya istoriya Korei*. Pyonyang: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 1979 [In Russian].
- Ким Чхан Хван, Кан Сок Хи. Очерк корейской истории. Кн. 2. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1995.
- Kim Chang Hwan, and Kang Seok Hee. *Ocherk koreiskoi istorii*. Book 2. Pyonyang: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 1995 [In Russian].
- Ким, Н.Н. Гендер, класс и этничность: перипетии истории женского рабочего движения в Корею // Женщины в Китае, Корею и Вьетнаме: от традиционного общества к современному / М.А. Бакланова, А.Л. Верченко, Н.Н. Ким, Э.А. Синецкая, М.А. Сюннерберг; отв. ред. Н.Н. Ким. М.: Наука, 2019. С. 132–133.
- Kim, Natalia N. "Gender, klass i etnichnost': peripetii istorii zhenskogo rabochego dvizheniya v Koree." In *Zhenshchiny v Kitae, Koree i Vetname: ot traditsionnogo obshchestva k sovremennomu*, edited by Natalia N. Kim, 132–133. Moscow: Nauka, 2019.
- Ким, Н.Н. Критика теории колониальной модернизации Кореи: подходы и оценки в современной южнокорейской историографии // Восток (Oriens). 2014. № 3. С. 177–185.
- Kim, Natalia N. "Kritika teorii kolonial'noi modernizatsii Korei: podkhody i otsenki v sovremennoi yuzhnokoreiskoi istoriografii." *Vostok (Oriens)*, no. 3 (2014): 177–185 [In Russian].
- Ким, Н.Н. Южная Корея // Память о Второй мировой войне за пределами Европы; коллективная монография под ред. А.И. Миллера и А.В. Соловьева. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2022. С. 57–74.
- Kim, Natalia N. "Yuzhnaya Koreya." In *Pamyat' o Vtoroi mirovoi voine za predelami Evropy*, edited by Aleksei I. Miller and Alexander V. Soloviev, 57–74. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2022.
- Ким, Н.Н. Южная Корея 1945–1948. Политическая история. М.: Восточная литература, 2015.
- Kim, Natalia N. *Yuzhnaya Koreya 1945–1948. Politicheskaya istoriya*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2015 [In Russian].
- КНДР. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958.
- KNDR. Pyonyang: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 1958 [In Russian].
- Крупяно А.А., Акуленко В.С. Чучхейская теория этногенеза корейцев // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 2 (40). С. 43–51. <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2017-2/43-51>.
- Krupyanko Alexander A., and Vadim S Akulenko. "Juche theory of ethnogenesis of Korean nation." *Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East*. no. 2 (40) (2017):43–51 [In Russian].
- Ланьков, А.Н. Август, 1956 год. Кризис в Северной Корею. М.: Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина; РОССПЭН, 2009.
- Lankov, Andrei N. *Avugst, 1956 god. Krizis v Severnoi Koree*. Moscow: Fond pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina; ROSSPEN, 2009 [In Russian].
- Ланьков, А.Н. Историческая память о колониализме и национально-освободительном движении как фактор политической легитимизации в Северной и Южной Корею // Ученые записки Сахалинского государственного университета. 2017. № 13–14. С. 143–147.

Lankov, Andrei N. "Historical Memory of Colonialism and National-Liberation Movement as a Factor of Political Legitimization in North Korea and South Korea." *Proceedings of Sakhalin State University*, no. 13-14 (2017): 143-147 [In Russian].

Ланков, А.Н. К северу от 38-й параллели: Как живут в КНДР. М.: Альпина нон-фикшн, 2020.

Lankov, Andrei N. *K severu ot 38-i paralleli: Kak zhivut v KNDR*. Moscow: Al'pina non-fikshn, 2020 [In Russian].

Ленин, В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. М.: Госполитиздат, 1949.

Lenin Vladimir I. *Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma*. Moscow: Gospolitizdat, 1949 [In Russian].

Малинова, О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М.; СПб: Нестор-История, 2018.

Malinova, Olga Yu. "Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoi politiki." In *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati*, edited by Aleksei I. Miller and Dmitrii V. Efremenko. Moscow; St.-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018 [In Russian].

Миллер, А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке, под ред. А. Миллера, М. Липман. М., 2012. С. 7-32.

Miller, Aleksei I. "Istoricheskaya politika v Vostochnoy Evrope nachala XXI veka." In *Istoricheskaya politika v XXI veke*, edited by Aleksei I. Miller and Maria Lipman, 7-32. Moscow, 2012 [In Russian].

Пан Бёньюль. Рост движения за независимость и Первоапрельское движение // История движения за независимость Кореи [Пер. с кор.]. Сеул, 2015. С. 78-145.

Pan Byunyul. "Rost dvizheniya za nezavisimost' i Pervomartovskoe dvizhenie." In *Istoriya dvizheniya za nezavisimost' Korei*, 78-145 [Translated from Korean]. Seoul, 2015 [In Russian].

Предложения КНДР по объединению страны. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1982. *Predlozheniya KNDR po ob'edineniyu strany*.

Pyongyang: Izd-vo literary na inostrannykh yazykakh, 1982 [In Russian].

Сон, Ж.Г. Коммеморативные практики Республики Корея как инструмент сохранения памяти о борьбе за независимость Кореи в России и странах СНГ // Сборник трудов конференции «Корея открывает для себя мир: глобальные и локальные вызовы (конец XIX – середина XX века)» (готовится к печати).

Son, Zh.G. "Kommemorativnye praktiki Respubliki Koreya kak instrument sokhraneniya pamyati o bor'be za nezavisimost' Korei v Rossii i stranakh SNG." In *Sbornik trudov konferentsii 'Koreya otkryvaet dlya sebya mir: global'nye i lokal'nye vyzovy (konets XIX - seredina XX veka)'* [In Russian].

Тертицкий, Ф.К. Северная Корея // Память о Второй мировой войне за пределами Европы. Коллективная монография под ред. А.И. Миллера и А.В. Соловьева. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 75-97.

Tertitskiy, Fyodor K. "Severnaya Koreya." In *Pamyat' o Vtoroi mirovoi voine za predelami Evropy*, edited by Aleksei I. Miller and Alexander V. Soloviev, 75-97. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2022.

Филиппов, А.Ф. Ценности и мобилизация: к динамике стерильного возбуждения // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1. С. 51-70. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-1-51-70>.

Filippov, Alexander F. "Values and Mobilization: Towards the Dynamics of Sterile Excitement." *Russia in Global Affairs* 21, no. 1 [In Russian].

Фурс, В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск: Экономпресс, 2000.

Furs, V.N. *Filosofiya nezavershennogo moderna Yurgena Khabermasa*. Minsk: Ekonompress, 2000 [In Russian].

Хан Ёнъю. История Кореи: новый взгляд. М.: Восточная литература, 2010.

Han Yongyou. *Istoriya Korei: novyi vzglyad*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2010 [In Russian].

Хан Сиджун. Объединение сил движения за независимость и движения за обретение независимости государства // История движения за независимость Кореи [Пер. с кор.]. Сеул, 2015. С. 254-314.

Han Sijun. "Ob'edinenie sil dvizheniya za nezavisimost' i dvizheniya za obretenie nezavisimosti gosudarstva." In *Istoriya dvizheniya za nezavisimost' Korei*, 254-314 [Translated from Korean]. Seoul, 2015: 254-314 [In Russian].

Чудинов, А.А., Чеснокова, Н.А. «Янки», «империалисты» и «каннибалы»: анализ «образа врага» в обращении Ким Ир Сена к корейскому народу в 1952 г. // Гуманитарный акцент. 2020. № 3.

Chudinov, Alexandr A., and Natalia A. Chesnokova. "'Yankees', 'imperialists' and 'cannibals': analysis of the 'enemy image' description in Kim Il Sung's speech to the North Korean people in 1952." *Humanitarian Accent*, no. 3 (2020) [In Russian].

Ahn, Yonson. "Rewriting the History of Colonialism in South Korea." In *Broken Narratives*, edited by Susanne Weigelin-Schwiedrzik, 109-132. Leiden: BRILL, 2014. https://doi.org/10.1163/9789004277236_007.

Anderson, Benedict R. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso, 1991.

Blumenberg, Hans. *Work on Myth. Studies in Contemporary German Social Thought*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985.

Bottici, Chiara. *A Philosophy of Political Myth*. 1st ed. Cambridge University Press, 2007. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511498626>.

Hyun, Jaehwan. "Blood Purity and Scientific Independence: Blood Science and Postcolonial Struggles in Korea, 1926-1975." *Science in Context* 32, no. 3 (2019): 239-260. <https://doi.org/10.1017/S0269889719000231>.

Kang, Kyoung-lae. "Embracing Postcolonial Potentiality: New Faces of Japanese Collaborators in Contemporary Korea." In *Spaces of Possibility: In, Between, and Beyond Korea and Japan*, edited by Clark W. Sorensen and Andrea G. Arai. Seattle: University of Washington Press, 2017.

Kim, Young Chun, Seungho Moon, and Jaehong Joo. "Elusive Images of the Other: A Postcolonial Analysis of South Korean World History Textbooks." *Educational Studies* 49, no. 3 (2013): 213-246. <https://doi.org/10.1080/00131946.2013.783838>.

Min Pyong Gap. *Korean "Comfort Women": Military Brothels, Brutality, and the Redress Movement*. New Brunswick, Camden, and Newark, New Jersey, and London: Rutgers University Press, 2021.

Myers, Brian R. *The Cleanest Race: How North Koreans See Themselves and Why it Matters*. Brooklyn, New York: Melville House Publishing, 2010.

Myers, Brian R. *North Korea's Juche Myth*. Busan, South Korea: Sthele Press, 2015.

Robinson, Michael. "National Identity and the Thought of Sin Ch'aeho: Sadaejuui and Chuch'e in History and Politics." *The Journal of Korean Studies* 5 (1984): 121-142.

Roebuck, Kristin. "Science without Borders? War, Empire, and the Contested Science of 'Race Mixing' in Japan, East Asia, and the West." In *Who Is the Asianist? The Politics of Representation in Asian Studies*, edited by Will Bridges, Nitasha Tamar Sharma, and Marvin D. Sterling. New York: Columbia University Press, 2022.

Rosa, Hartmut. *Resonanz. Eine Soziologie der Weltbeziehung*. Frankfurt/M: Suhrkamp, 2016.

Scholl, Tobias. "Ch'oe Namsŏn and Identity Construction through Negotiation with the Colonizer." *International Journal of Korean History* 24, no. 1 (February 2019): 153–186. <https://doi.org/10.22372/ijkh.2019.24.1.153>.

Shin Seungyop. "Resembling the Opponent: Nationalist and Colonialist Historiographies in Modern Korea." *Acta Koreana* 21, no. 2 (2018): 525–552. <https://doi.org/10.18399/acta.2018.21.2.008>.

Stråth, Bo, ed. *Myth and Memory in the Construction of the Community*. Brussels: Peter Lang, 2000.

Tertitskiy, Fyodor K. "North Korean Narrative of the Second World War: Why the Change?" *Russia in Global Affairs* 19, no. 4 (2021): 164–183. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-4-164-183>.

Tudor, Henry. *Political Myth*. London: Macmillan Education, 1972.

White, Hayden. *The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987.

김 일 성. 조선혁명가들은 조선을 잘 알아야 한다. 조선 인민혁명군 정치간부 및 정치교원들앞에서 한 연설. 1943년 9월 15일.

Kim Il Sung. "Korean revolutionaries must know their country well." Speech before the political cadres and political teachers of the Korean People's Revolutionary Army [In Korean] <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?type=crevo1&stype=1&mttype=view&no=3726>

당경호. «경애하는김정은동지께서 밝혀주신 우리 식의 경제관리방법의 본질적 특징» 경제연구. № 2 (163). 2014.

Tang Kyŏngho. "Essential Methods of Management of Our Style Economics Developed by our Beloved Comrade Kim Jŏngŭn." *Studies of Economics* 2, no. 163 [In Korean].

Сведения об авторах

Наталья Николаевна Ким,

к.и.н., научный сотрудник Института востоковедения РАН,
директор Международного центра корееведения МГУ имени М.В. Ломоносова
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-1
e-mail: nkim@iaas.msu.ru

Александр Валерьевич Соловьев,

заместитель главного редактора журнала «Россия в глобальной политике»;
приглашенный преподаватель департамента международных отношений и департамента
регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ
119049, Москва, Россия, ул. Малая Ордынка, 17-1
e-mail: a.soloviev@globalaffairs.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 17 марта 2022.

Переработана: 22 апреля 2022.

Принята к публикации: 29 мая 2022.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Ким, Н.Н., Соловьев, А.В. Антиколониальные и постколониальные нарративы в контексте политического мифа в КНДР и Республике Корея // *Международная аналитика*. 2023. Том 14 (2). С. 49–72.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-14-2-49-72>

Anticolonial and Postcolonial Narratives in the Context of Political Myth in the DPRK and the Republic of Korea

ABSTRACT

This article delves into the intricate ways in which anti- and postcolonial narratives shape the formation of political myths in both the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) and the Republic of Korea. Political myth, as a discursive system, elucidates how people are molded and what objectives they serve through a complex interplay of signs and symbols. Having established the prerequisites for when historical narrative converges with political myth (drama, significance, and political action), the authors identify three clusters of historical narratives, each associated with a significant trauma: the loss of independence, the attainment of independence through external aid, and the division of the people. Scrutinizing these narratives, the authors extract common and specific features of political myths as they manifest in the North and South, and pinpoint the key historical and political circumstances that account for these divergences and convergences.

KEYWORDS

anticolonialism, postcolonialism, DPRK, Republic of Korea, historical narrative, political myth, trauma, historical politics, memory politics

Authors

Natalia N. Kim,

PhD (Hist.), Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences;
Director, International centre for Korean studies, Institute of Asian and African Studies,
Lomonosov Moscow State University
11-1, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009
e-mail: nkim@iaas.msu.ru

Alexander V. Soloviev,

deputy editor-in-chief, Russia in Global Politics; guest lecturer,
School of Regional Studies and School of Asian Studies,
Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University
17-1, Malaya Ordynka street, Moscow, Russia, 119017
e-mail: a.soloviev@globalaffairs.ru

Additional information

Received: March 17, 2022. Revised: April 22, 2022. Accepted: May 29, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Kim, Natalia N., and Alexander V. Soloviev. "Anticolonial and Postcolonial Narratives in the Context of Political Myth in the DPRK and the Republic of Korea." *Journal of International Analytics* 14, no. 2 (2023): 49–72.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-49-72>